

Джеральд Хокинс

РАСШИФРОВАННЫЙ СТОУНХЕНДЖ

ОБСЕРВАТОРИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

Джеральд Хокинс

**Расшифрованный Стоунхендж.
Обсерватория каменного века**

«Центрполиграф»

Хокинс Д.

Расшифрованный Стоунхендж. Обсерватория каменного века /
Д. Хокинс — «Центрполиграф»,

Стоунхендж возвели предположительно на рубеже каменного и бронзового веков, за несколько столетий до падения гомеровской Трои. Ранее считалось, что, скорее всего, это был храм друидов. Но британский астроном Джеральд Хокинс доказал, что Стоунхендж служил своего рода обсерваторией, позволявшей предсказывать затмения Солнца и Луны, вычислять точные даты наступления сезонов года и вести календарь. Однако люди до сих пор верят в магическую силу этих камней, прикосновение к которым, как считалось, исцеляло от всех недугов.

Содержание

Введение	5
Предисловие автора	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джеральд Хокинс

Расшифрованный Стоунхендж.

Обсерватория каменного века

Эта книга посвящается лорду Сноу из города Лестер, автору работы «Две культуры»

Введение

Очень значимо, что открытия, описанные в этой книге, были сделаны астрономом, сотрудничавшим со Смитсоновской астрофизической обсерваторией.

Сэмюель П. Ленгли, третий секретарь Смитсоновского института и основатель астрофизической обсерватории, стал первым из ведущих ученых, осознавшим возможную астрономическую значимость «грубых огромных монолитов» в долине Солсбери. В своей книге «Новая астрономия» он писал: «Большинство крупных национальных обсерваторий, таких, как Гринвичская или Вашингтонская, являются усовершенствованием того типа астрономии, младенчество которой запечатлели строители Стоунхенджа. Первобытные люди могли узнать, где встанет Солнце в каждый конкретный день, и произвести наблюдения его местоположения, ничего не зная о его физической природе». Под «тем типом астрономии» он подразумевал классические позиционные наблюдения, изучение не структур, но движения – то есть не «что», а «где» – небесных тел. Его «Новая астрономия» есть не что иное, как современная астрофизика.

Ленгли написал это в 1889 г., по счастливому стечению обстоятельств в тот же год, в который началось строительство Смитсоновской астрофизической обсерватории.

Предисловие автора

Каждый, посетивший Стоунхендж, задается вопросом: каково его назначение? На грубых камнях отсутствуют какие-либо слова посвящения, строительные условные обозначения и любые читабельные знаки. Поэтому слово «расшифрованный», вынесенное в название, требует некоторого пояснения.

В этой книге мы попытаемся доказать, что само расположение камней, генеральный план всего комплекса и собственно выбор места уже несут в себе богатую информацию. Многое можно прочесть в Стоунхендже без помощи древних или современных слов. Он представляет собой уникальную криптографическую загадку, решение которой привело к постижению менталитета древних людей. Раньше, когда мы располагали лишь туманными легендами, отдаленное прошлое казалось нам непонятным. Теперь, вероятно, дверь в доисторическую эпоху распахнута настежь.

Моя рабочая гипотеза постепенно развивалась на протяжении двух последних лет следующим образом: если в различных частях Стоунхенджа обнаруживалась некоторая закономерность или общая взаимосвязь, естественно было предположить, что эти факты также были известны и его строителям. Такое заключение подвигло меня на осуществление многих невозможных шагов. Оглядываясь назад, можно сказать, что эта гипотеза консервативна, ибо позволяет Стоунхенджу быть равным мне, но не лучше, чем я. Многие факты, например 56-летний цикл затмений, оставались неизвестными ни мне, ни другим астрономам и были открыты (а точнее, открыты снова) при расшифровке Стоунхенджа.

Нет сомнений в том, что Стоунхендж служил древним обсерваторией. Это подтверждается беспристрастной математикой, теорией вероятности и небесной сферой. По форме комплекс является оригинальной вычислительной машиной, но использовалась ли она? Как ученый я не могу ответить на этот вопрос. Но в собственную защиту скажу, что подобный скептицизм может быть обращен в сторону других исследователей древнего этапа развития человечества. Необходимо ли нам видеть отпечатки губ на чашке, кровь на кинжале или искры, высекаемые из колчедана кремнем, чтобы убедиться, что этими предметами действительно пользовались?

Эти исследования проводились в Смитсоновской астрофизической обсерватории, обсерватории Гарварда в Бостонском университете, а также непосредственно в Стоунхендже и его окрестностях. Это привело меня в сферу гуманитарного знания, так же как и естественных наук, и я в некоторой степени пересек мост между «двумя культурами» сэра Чарлза П. Сноу¹.

В процессе работы я общался со многими людьми, оказавшими мне всемерную поддержку. Особенно я хотел бы с благодарностью отметить беседы с Р.С. Ньюэллом, Х. Хенкеном, Р.Дж. Аткинсоном, С. Пигготом, Х.Э. Эдгетроном. А. Томом и С.А. Ньюхэмом. Моя жена Дороти с неизменным интересом следила за моими изысканиями. Я благодарен мистеру Ф. Френдли и персоналу телеканала Си-би-эс за снятые на пленку астрономические явления, произошедшие в Стоунхендже в 1964 году, которые в противном случае могли бы, как и явления предыдущих тысячелетий, пройти незамеченными.

Эта книга не увидела бы свет без неутомимой помощи и поддержки Джона Б. Вайта. Миссис Эдит Гомер перепечатывала различные черновики и конечную рукопись добросовестно и без единой жалобы.

Джеральд С. Хокинс

¹ Сноу Чарлз (1905–1980) – английский писатель и общественный деятель, автор сборника статей «Две культуры» о соотношении естественно-научной и гуманитарной культур в современном обществе.

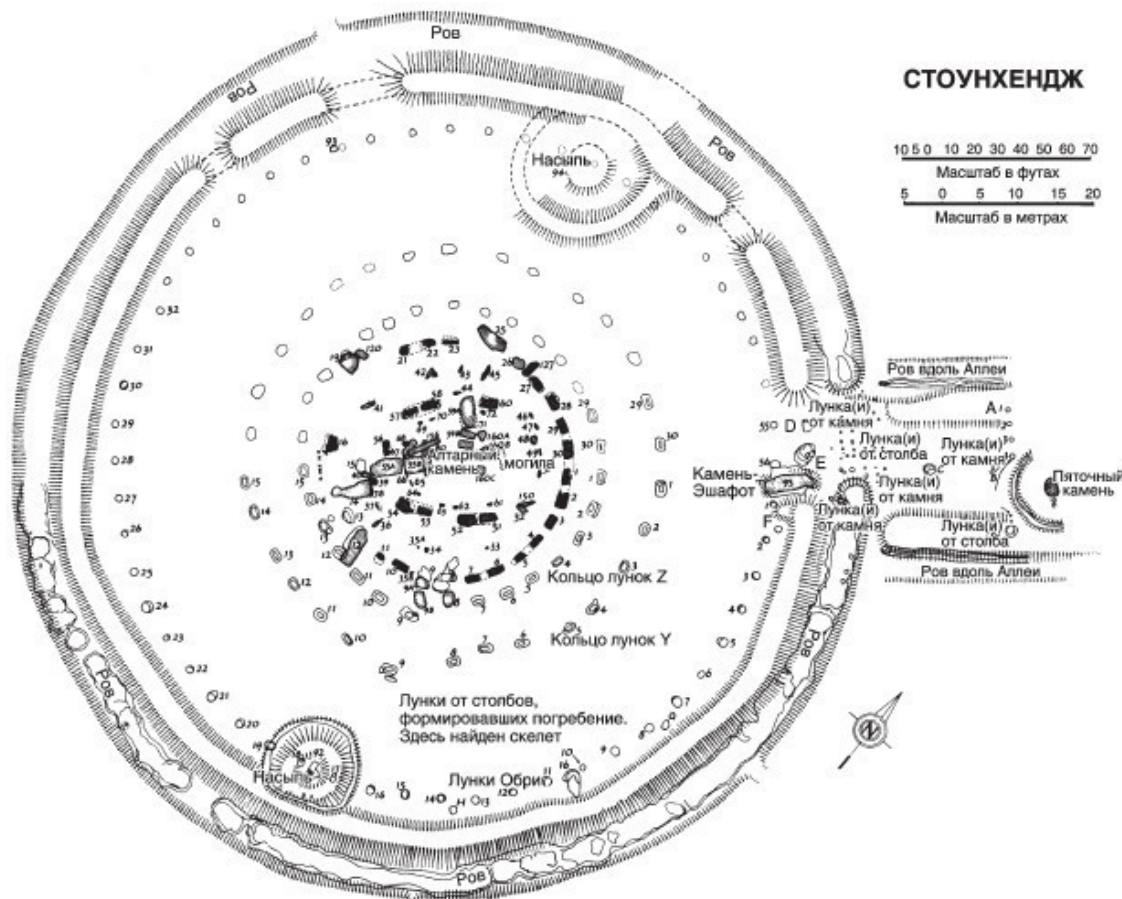
Могус-Хилл

Веллесли-Хиллс, Массачусетс

Это издание содержит множество новой археологической информации, любезно предоставленной профессором Аткинсоном.

Дж. С. Х.

Глава 1 Легенды

Стоунхендж уникальное сооружение. Во всем мире нет ничего, подобного мрачным руинам, которые, по словам Генри Джеймса, «высятся в истории столь же одиноко, как и на своей бескрайней равнине». Огромные и неподвижные, они неподвластны ни человеку, ни времени. Находясь внутри этих безмолвных кругов, начинаешь ощущать великое прошлое, стущающееся вокруг. И кажется, можно что-то рассмотреть и расслышать, пока не попытаешься представить, *какие именно* события происходили в этом месте, какие звуки раздавались здесь, какие люди приходили сюда в те невероятно удаленные от нас времена.

Что это было? Какой цели служил Стоунхендж, этот монумент и памятник людям, чьи прочие памятники давно исчезли с поверхности земли? Был ли он городом мертвых? Местом, где друиды приносили ужасающие жертвы? Храмом Солнца? Рынком? Языческим собором, святилищем посреди благословенной земли? Чем же был он и когда?

Существовало множество сказаний и легенд об этом странном памятнике, а некоторые из них сохранились до наших дней.

Стоунхендж настолько древний, что его истинный возраст был, по всей видимости, забыт уже к античному периоду. Древнегреческие и древнеримские писатели почти не упоминают о нем. Придя в Британию, рациональные римские завоеватели не проявили к нему особенного почтения – в конце концов, Рим гордился своими храмами, Египет – пирамидами, которые были в лучшем состоянии, чем эта группа камней. Есть доказательство того, что римляне раз-

били некоторые каменные блоки. Они могли расценить это место как возможный центр сопротивления.

И только в Средние века, когда люди стали интересоваться всем таинственным, древние камни снова завладели их воображением. К тому моменту любые воспоминания о происхождении Стоунхенджа и предназначении «гигантской груды» давно канули в Лету. Появилась потребность в создании некоей его истории, подобно тому, как собирались по кусочкам жития бесчисленных праведников и святых.

Нам не дано знать, кто стал первым биографом Стоунхенджа. Им мог быть живший в VI в. Гильдас, которого некоторые называли Мудрым, а некоторые утверждали, что он выдумка. Или Аневрин, великий валлийский бард, который в VII в. якобы воспевал начало работы великанов. Или живший в IX в. Ненний, в романтическом стиле описывавший каменный монумент, воздвигнутый в память о предательски убитой британской знати. Однако был ли этот монумент Стоунхенджем и существовал ли в действительности монах-летописец по имени Ненний?

Нам доподлинно известно, что к XII в. его уже окружало достаточное количество умозаключений и легенд. Вейс, англонорманн, замечал, что его называли «висящие камни» и в Англии, и во Франции – «*Stanhengues ont nom en englois, pierres pendues en Francois*»². Генри из Хантингтона объяснял, что такое название вполне оправданно, поскольку камни «сами по себе висят в воздухе». (Другие полагали, что данный эпитет относился не к камням, а к преступникам, которых вешали на них.) Генри, тем не менее, не считал «Станхенг» величайшим чудом Британии. Первым дивом этой земли, как он писал, был «ветер, исходящий из пещеры на востоке в горе, называемой Пек» (возможно, специалистам по истории Средних веков известно, где находится эта гора, мне – нет).

А вторым дивом являлся Стоунхендж, «где камни поразительных размеров воздвигнуты на манер дверных проемов, словно одна дверь следует за другой, и никто не может предположить, какое искусство позволило поднять такие большие камни вверх и зачем это было сделано». Гиральдий Самбрэнсис, друг Ричарда Львиное Сердце и Иоанна I, также назвал эти камни чудом, подобно многим летописцам того времени.

Попытки найти объяснение происхождению этого чуда привели к возникновению мифов. Эти мифы были тщательно собраны и переданы потомкам талантливым историком и сказителем XII в. Гальфридом Монмутским.

Я приведу цитату из трудов Гальфрида довольно подробно, не потому что являюсь большим поклонником легенд – это не так, – но потому что данный древний миф, столь хорошо им рассказанный, остается источником большинства небылиц о Стоунхендже на протяжении пятисот лет.

По словам Гальфрида (из «Истории королей Британии»), Стоунхендж начал свою историю во времена короля Константина, когда «некий пикт, бывший его вассалом, притворился, что желает тайно побеседовать с ним, когда же все отошли, ударил его ножом в чаще весеннего леса». Затем Вортигерн, граф «гевиссов», «до умопомрачения желал завладеть короной», но королем стал сын Константина, Констанс, а Вортигерн «замыслил измену»: подкупил пиктов и «напоил их допьяна», тогда они «вломились в опочивальню, набросились внезапно на Констанса и отсекли ему голову с плеч».

После чего Вортигерн стал королем.

Вскоре случилась беда – «... три бригадины пришли к берегам Кента, полные вооруженных воинов и ведомые двумя братьями, Хорсой и Хенгистом».

(На самом деле Хенгист и Хорса действительно были предводителями первого саксонского вторжения в Англию в V в. Очевидно, Вортигерн «договорился» с саксами и женился на

² «Станхенг зовется он по-английски, по-французски же – висящие камни».

дочери Хенгиста, Ровене, но Хенгист продолжил путь своего «утлого суденышка». Согласно Бедо Достопочтенному и «Летописи англосаксов», саксам отдали остров Танет, но они вступили в бой с британскими властями. Хорса погиб, а Хенгист и его сын Эск завоевали все королевство Кент. По словам Гальфрида, ради этого они пошли на неслыханную подлость.)

«Отдав приказ своим товарищам о том, что у каждого под подметкой должен быть спрятан длинный нож», Хенгист созвал совет британцев и саксов около Солсбери «на майские календы», а «когда настал час, саксы набросились на князей, стоявших вокруг» и «перерезали глотки приблизительно четырестам шестидесяти людям».

(Здесь легенда крайне запутана. Некоторые утверждают, что именно Вортигерн предал британских «князей». В любом случае британцы и саксы пребывали в состоянии серьезного раздора. В описании битвы между ними при «горе Бадон» (Бат? Бадбери?) в VI в. впервые упоминается король Артур. Ненний говорит о нем мимоходом как о «dux bellorum» («вожде ратников»), то есть предводителе воинов, британцев. А через несколько десятилетий он становится выдающимся полумифическим героем. Британский король, Амвросий Аврелиан, который, возможно, был реальным человеком, – если так, то он происходил из римского рода – в нескольких легендах преподносится как мифический отец Артура, Утер Пендрагон. Современный город Эмсбери, по мнению некоторых ученых, ведет свое название от имени Амвросий. Гальфрид писал, что Амвросий был братом Утера Пендрагона и правил при содействии волшебника Мерлина.)

Однажды король прибыл в Солсбери, «где графы и князья, преданные вероломным Хенгистом, были похоронены», и «проникся жалостью, и слезы потекли из глаз его, а после впал он в задумчивость о том, как лучше было бы сие место увековечить, где растет одна лишь зеленая трава, покрывшая могилы столь многочисленных благородных воинов».

А Мерлин посоветовал: «Коли тебе потребно украсить могилы сих мужей трудом, что останется на века, пошли за Пляской Великанов, что в Киллараусе (гора Килдэр?), на горе Ирландской. Ибо там стоит каменное изваяние, кое никому в наш век не воздвигнуть, если только разум его не будет столь силен, чтобы воплотить его мастерство. Ибо камни те велики, и нет нигде камней больше тех, и да встанут они вокруг сей могилы, хоть и стоят они теперь там, но здесь им стоять на веки вечные».

Король рассмеялся и сказал: «Да как сему быть, чтобы камни такой величины и из краев таких далеких могли быть к нам перенесены, будто в Британии неостанет камней для сего труда?» Мерлин ответил: «Удержись от смеха, в камнях тех великая тайна сокрыта и целительная сила от многих недугов. Великаны давних времен принесли их с дальнего конца Африки и поставили в Ирландии, где жили тогда. Нет там камня, кой магической силой не обладал бы».

Короля убедили его слова. «Британцы выбрали Утера Пендрагона, брата короля, во главе пятнадцати тысяч человек, чтобы тот сию работу осуществил». Вся эта армада вышла в море «в страшный шторм». Ирландцы узнали о том, что монумент хотят перевезти. Король Гилломан собрал «огромную рать», поклявшись, что британцам «не унести от нас и мелкого камушка Пляски Гигантов». Но враги «обрушились на них внезапно и, стремительно одержав победу, ушли вперед к горе Киллараус».

Затем захватчики монумента столкнулись с проблемой транспортировки этих громадных камней. «Пытались они использовать толстые тросы, веревки, осадные лестницы (напоминание о списке оружия из «Галльских войн» Цезаря!), но ни на шаг не сдвинулись». Пришлось за дело браться Мерлину. Он «разразился смехом и собрал собственные машины, положил на них камни с невероятной легкостью, в кою никто поверить не мог, и перевез камни к кораблям», тогда они все «в Британию вернулись, возрадовавшись», и там «поставили камни вокруг могил в таком же порядке, как стояли они на горе Киллараус, и так еще раз показали, что умение превосходит силу».

Гальфрид добавил, что и Утер Пендрагон, и король, или император, Константин были похоронены в Стоунхендже.

Большая часть рассказов Гальфрида годится только для развлечения, но встречаются в них отрывки, заслуживающие внимания или, по крайней мере, комментария. Доподлинно известно: Стоунхендж совершенно точно не строился для увековечивания памяти погибших саксов или британцев. Но интересно, что древняя легенда так плотно связывает его с подобным назначением, а совсем недавно было обнаружено, что он является местом захоронения. Гальфрид писал, что камни Стоунхенджа обладают удивительной «силой». Действительно, камням приписывались мистические возможности довольно долго – в 452 г. синод в Арле осудил тех, кто «поклоняется деревьям, родникам и камням». Его поддержал Карл Великий и многие другие после него. Но современные открытия – которые мы обсудим позднее – продемонстрировали, что камни Стоунхенджа воспринимались их изначальными строителями как средоточие особой наивысшей силы. Два камня сыграли важнейшую роль в легенде об Артуре: никому не известный молодой человек стал королем от одного движения руки – он схватил загадочный меч и «легко и резко вытащил его из камня» – и потом единственный человек (или существо), способный спасти его, «утратил разум, заглядевшись на одну из дев озера высокую Ниму, и стал Мерлин преследовать ее, алкая лишить ее девичьей чести, чем очень докучал ей, она же желала избавиться от него, ибо боялась его, ведь был он сыном дьявола, и вот однажды случилось так, что Мерлин указал ей скалу, где было диво великое, она же хитростью своей заставила его под камнем очутиться и показать свои чудеса, и так свои умения применила, что он уже не вышел из-под камня, хотя и магией себе помочь пытался», и – Мерлин таким образом оказался погребенным под тем камнем – судьба короля и королевства была решена. Точно известно: замечание Гальфрида о том, что камни прибыли в Ирландию из Африки, вполне понятно, если вспомнить о том, что Африка почиталась краем всего необычного и диковинного. Плиний в I в. писал: «Из Африки всегда происходит нечто новое». Легенда о том, что камни были установлены в Ирландии, может оказаться не такой уж абсурдной, как кажется на первый взгляд. Вполне допустимо, что камни столь большие и священные, как камни Стоунхенджа, могли быть собраны в ритуальное сооружение, а потом передвигаться с места на место. (Современная теория о том, откуда они взялись, будет приведена в главе 4.) И безусловно, «пятнадцать тысяч человек» могли принимать участие в таком передвижении. Любопытно, что в легенде Мерлин не прибегает к простой магии, чтобы быстро переместить камни со старого места на новое. Без сомнения, такое было бы ему под силу. Другие сказители (помимо Гальфрида) утверждают, что он подвинул камни лишь «силой слова». Возможно ли, что здесь в истории о «машинах» Мерлина скрываются глубинные воспоминания народа о реальной транспортировке этих камней?

В царстве чистого вымысла Мерлина и Стоунхендж, вероятно, связывает нечто большее, чем просто технический подход. Некоторые мифологи полагают, что имя Мерлин есть искаженное имя древнего кельтского бога неба Мэрддина, которому могли поклоняться в каменных сооружениях. Валлийская триада утверждает, что вся Британия до прихода сюда человека называлась «Клас Мэрддин», то есть «Владения Мерлина». Валлийский фольклорист Джон Рис на Хиббертских лекциях 1886 г. сказал: «Я пришел к заключению, что нам остается лишь следовать рассказу Гальфрида, в соответствии с которым Стоунхендж есть дело рук Мерлина Эмриса, которым командовал другой Эмрис, и, следовательно, Стоунхендж был храмом в честь кельтского Зевса, который позднее превратился в легенду и стал тем самым Мерлином, которого мы знаем». В 1889 г. профессор А.Т. Эванс написал в «Археолоджикал ревю» о том, что Стоунхендж был выдающимся образцом могильной архитектуры, «где поклонение или поминовение далеких предков могло быть связано с поклонением кельтскому Зевсу; божество, которому поклонялись таким образом, вероятно, представлялось в виде священного дуба».

Какова бы ни была истина, сокрытая в легенде о строительстве Стоунхенджа Мерлином – если она вообще там есть, – сама легенда занимает главенствующее место в этой области

много веков. По какой-то причине – потому ли, что камни на самом деле были там и таким образом избежали мифологизации? – работа Мерлина в долине Солбери почти не упоминается в сказаниях о короле Артуре и его Круглом столе. Однако среди преданий, которые в поздний период Средних веков описывали удивительную историю и времена настоящего монумента, самым популярным был рассказ, приписывающий создание Стоунхенджа Мерлину. А когда Артур ушел в волшебную страну, история о том, «как Мерлин своим умением и чудесной силой магической из Ирландии сюда принес Сонендж в одну ночь» (Майкл Дрейтон, из поэмы «Полиолибион»), стала вызывать всеобщее любопытство. Повествование Гальфрида и его переказы перестали вызывать доверие.

Неизвестный автор «Хроник Англии» в XV в. резко заявляет, что не верит в то, что Мерлин установил эти камни. В следующем веке Полидор Вергилий, архидиакон Валлийский, писал, не вспоминая о Мерлине, что монумент, «сделанный из больших прямоугольных камней и имеющий форму короны», воздвигнут был «британцами» в память об Амвросии. Историка-антиквара елизаветинского периода Вильяма Кэмдена не привлекали рассуждения на тему происхождения этого «огромного и безобразного сооружения». Он замечал: «Наши соотечественники полагают это одним из наших чудес и диковинок и много изумляются тому, откуда столь крупные камни были привезены. Что касается меня, я склонен не вступать в споры и диспуты, а скорее плакать от горя, что создатели столь заметного памятника ушли в небытие. Однако некоторые считают, что это не природные камни, высеченные из скалы, а глыбы, рукой человеческой сотворенные из чистого песка и скрепленные вместе чем-то клейким и липким. А где же чудо? Ради всего святого, не читаем ли мы у Плиния, что песок или пыль Путеол, покрытые водой, в камень обращаются?»

Разумеется, Спенсеру диковинные сказания Гальфрида приходятся по душе. В «Королеве Фей, хронике королей британцев, от Брута до Утора. И свитках Эльфинских императоров, до времен Глориана», он рассказывает, как Константин «часто в битвах побеждал сих вредоносных пиктов и полчища воинов востока», но был «раздражаем многими набегами соседей-шотландцев и иноземных пришельцев», пока «Вортигер силою корону не забрал», и не «послал в Германию, чтоб мощные силы в подмогу собрать». Хенгист и Хорса, «в ратном деле умелые, воспользовавшись их раздорами, велики стали», и Вортигеру «пришлось оставить королевство». С помощью сына, Вортимера, король восстановил свою власть, после чего «Хенгист притворную печаль изобразил за то, что содеяно было, и милость принесли ему краса дочери его и лстивые слова; а после убил он три сотни лордов британской крови, за столом его сидевших; им возведенный скорбный памятник, на веки вечный измену запечатлевший, в Стоунхенге вы узрите».

Теоретики, настроенные менее поэтично, склонны согласиться с тем, что «скорбный памятник» был воздвигнут в построманский период, но никак не Мерлином.

В XVII в. в людях внезапно проснулся интерес ко всему на свете. Новый дух познания, который, по словам Джона Донна, «все подвергает сомнению», не оставлял ничего без внимания. Эти гении, одаренные и простые люди замечательной эпохи, сосредотачивали свой интерес не только на глобальных вопросах, но и на мелочах. Ньютон был чем-то вроде алхимика. Врен, геометр-астроном и архитектор, стал пионером переливания крови. Хук изобрел или заявил, что изобрел, почти столько же воображаемых приборов, сколько Леонардо да Винчи³.

³ В качестве примера широкого кругозора тех первых детей науки приведем перечень из «Века названий и образцов тех изобретений, кои на настоящий момент приходят мне в голову», книги, опубликованной маркизом Ворчестерским в 1663 г.: «машина для уничтожения судов, непотопляемый корабль, плавающая крепость, плавающий сад, двусторонний рычаг, переносной мост, точечный алфавит, причудливое огниво, механическая птица, карманная лестница, летающий человек, кресло-ловушка, полувсемогущая машина, водяной механизм». Маркиз потратил столько денег, чтобы воплотить некоторые из этих открытий, что в конце концов разорился.

Вполне естественно, что столь странное творение, как Стоунхендж, привлекло внимание пытливых умов. Множество людей приезжало на это место, и еще большее – писало о нем.

В начале того столетия король Яков I посетил Стоунхендж. Он произвел на монарха такое впечатление, что тот приказал прославленному архитектору Иниго Джонсу нарисовать план расстановки камней и разобраться, каким образом появился этот комплекс. По всей видимости, Джонс осмотрел Стоунхендж, но, к сожалению для нас, не оставил никаких записей об этом. Нам известно только, что в 1655 г. его зять Джон Вебб издал книгу «Самая замечательная древность Великобритании, в просторечии именуемая Стоунхенг, восстановленный вид», в которой передал суть того, что называет «несколькими несвязанными записями», оставленными Джонсом. Иниго Джонс взглянул на Стоунхендж глазом архитектора, воспринял его как архитектурный ребус и представил некоторые соображения с архитектурной точки зрения, которые были сколь тщательно аргументированы, столь и – что неизбежно – ошибочны. Его книга является интереснейшим документом, прекрасной золотой жилой проницательного наблюдения, толкового анализа, разнообразной информации (не вся из которой ложна) и первоклассной практической логики (рис. 1).

Джонс превозносил монумент за «уникальность изобретения, гармоничные пропорции», называл его «элегантным по форме, величавым по виду» и продолжал исследование документов, в которых перечислялись кандидаты на роль возможных строителей сооружения. Он отмечал их одного за другим: «Касаемо друидов, без сомнения, Стоунхенг не мог быть построен ими, в свете того, что я не нашел ни единого упоминания о том, что они в какое-либо время хорошо разбирались в архитектуре (на что в данном случае следует обращать внимание прежде всего) или в чем-то еще, связанном со строительством. Так, они не посещали академий архитектуры, им не читали лекций по математике, не осталось никаких упоминаний об их рисунках и скульптурах, а также об изучении ими наук (кроме философии и астрономии), которые надлежит освоить архитектору».

Что касается ранних «британцев», то они были «дикими и грубыми людьми, совсем не знавшими одежды, не имевшими знаний, потребных для возведения величественных строений или столь замечательных сооружений, как Стоунхенг».

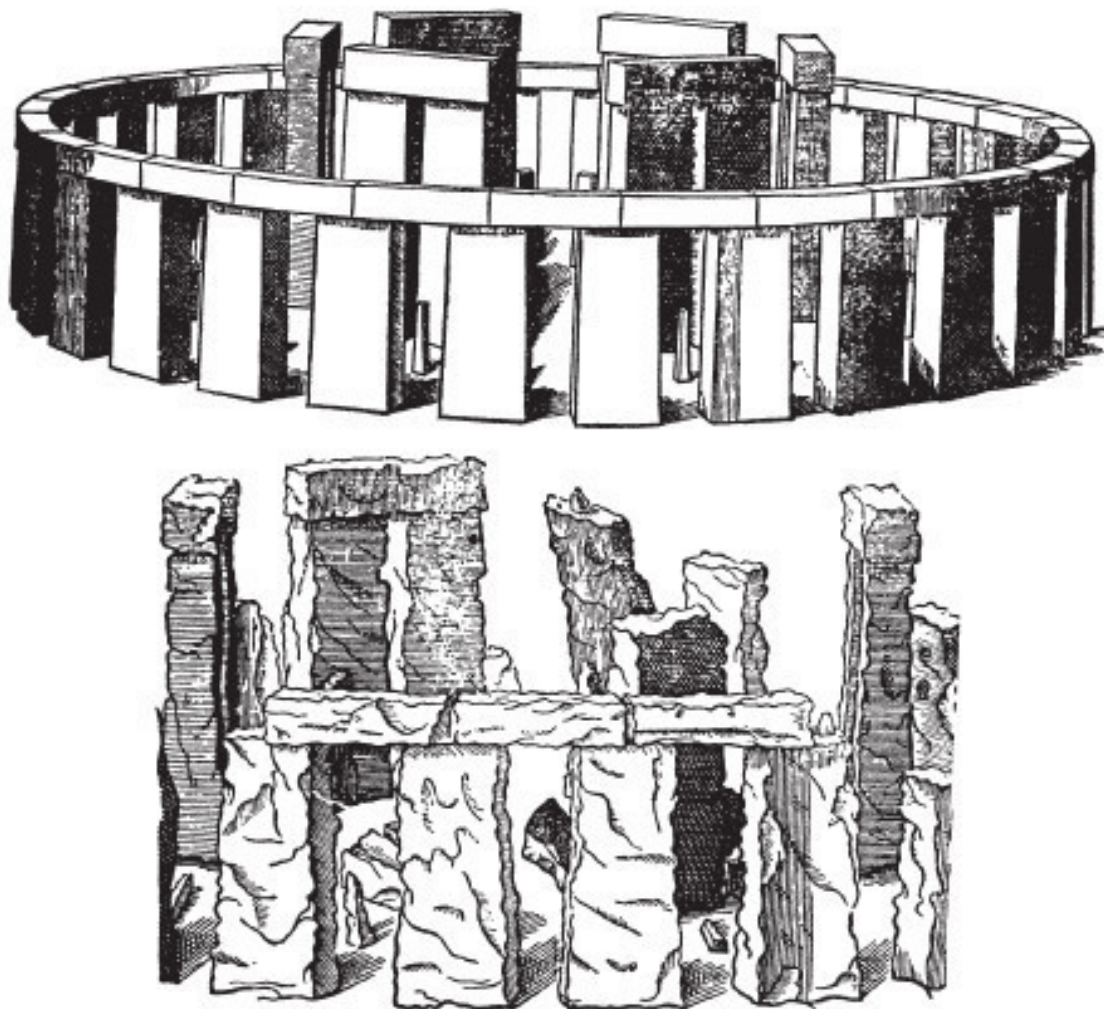

Рис. 1. Изображение Стоунхенджа из книги «СтоунХенг, восстановленный вид», написанной предположительно Иниго Джонсом. Монумент показан в представлении автора

«Короче говоря, становится понятно: Стоунхенг не является плодом трудов друидов или древних британцев. Познания друидов лежали скорее в области наблюдения и размышления, нежели в области практики. А древние британцы почитали высочайшим счастьем оставаться совершенно несведущими во всех видах искусства».

И наконец, «что касается этой нелепой сказки о том, как Мерлин перенес камни из Ирландии, то это пустые выдумки».

Отбросив таким образом вышеназванных кандидатов на право называться создателями «сооружения, воздвигнутого весьма искусно, с гармонией и толком», Джонс представил собственных. «Учитывая то, какого величия достигали в строительстве римляне во времена своего расцвета, их знания и опыт во всех видах искусства и науки, их технические возможности для проведения масштабных работ, а также их ордер в строительстве и уровень мастерства, обычный среди них, Стоунхенг, по моему убеждению, являлся детищем римлян. А они – его единственными основателями. Но может возникнуть вопрос: если Стоунхенг есть дело рук римлян, как случилось, что ни один римский писатель не оставил упоминания о том? И я отвечу на него: их историки не имели привычки описывать конкретные деяния соотечественников. Иначе какими огромными были бы их хроники?»

В отношении архитектурного стиля строители «скорее всего для столь замечательного сооружения, как Стоунхенг, избрали тосканский, а не какой-то иной ордер, не только из-за

того, что он наилучшим образом сочетается с дикой, простой природой того, что они намеревались возвести, но также чтобы превознести для своих современников силу предков, проявившуюся в столь внушительном сооружении».

Когда же его построили? «К счастью, в то самое время, когда римляне основали здесь государство, превратив исконных жителей острова в цивилизованное общество».

А его назначение? Он был «изначально храмом. Жертвы, приносимые в древности в Стоунхенге, представляли собой быков или волов, несколько видов диких животных, что следует из их голов, найденных там при раскопках». В качестве храма он был посвящен богу неба, Целу, поскольку стоял на открытой равнине, под небом, имел круговую форму, подобно круглой Земле, и камням его была придана форма языков пламени, а огонь – божественная стихия.

Усердный и вызывающий восхищение Иниго закончил свою попытку датировать Стоунхендж с архитектурной точки зрения следующим весьма трогательным благословением: «Сподобился ли я в сем приключении пригнать свой челн в желанный порт Открытия Истины в том, что касается Стоунхенга, да судят опытные Лоцманы. Осмелился я, по крайней мере, осуществить попытку, сведшуюся, наверное, к той степени, когда любой может пригласить других предпринять Путешествие заново или осуществить его же, но с большим размахом, в котором желаю я им Успеха искомого, а в нем, пробираясь чрез бури, совершат они еще более полные и точные открытия».

Часто, отправляясь в подобное путешествие за открытиями в области Стоунхенджа, я ощущал тепло того пожелания, высказанного 300 лет назад, и прибавлял к нему мое собственное – будущим исследователям достичь «Успеха искомого» в раскрытии старинной загадки.

В XVII в. существовали и другие теории о Стоунхендже. Некий Эдмунд Болтон в 1624 г. приписал его знаменитой Боадии или Боудикке, королеве британцев, которая возглавила крупное восстание против римлян, но потерпела поражение и приняла яд. По-кельтски ее имя означает что-то вроде «победы». Вот что писал Болтон: «История Бундуки (Боудикки) была столь мало понята Монмутом, как будто не было ее вовсе, и книг о том, что до Нее было, не написано, и глубокое забвение, укrywшее Творца, и первое намерение воздвигнуть их (камни Стоунхенджа), где и поныне стоят они, несмотря на погоду, еще более усиливает мои подозрения, что камни сии посвящены были Славе Бундуки и ее командирам, сложившим голову в битве, через много лет после смерти Нерона Цезаря».

Однако теория Джонса, углубленная его зятем Веббом, разожгла самую бурную полемику.

В 1663 г. доктор Вальтер Чарлтон, один из выдающихся врачей, лечивших Карла II, вступил в спор с Веббом в трактате с громким названием «Хореа Гигантум, или Самая замечательная древность Великобритании, в просторечии именуемая Стоунхенг, стоящая на равнине Солсбери, приписываемая датчанам». Ошеломляющая попытка. В бурном потоке витеватости, появившейся незадолго до того в Библии в переводе короля Якова, доктор Чарлтон начинает так: «Любознательность Вашего Величества в изучении предмета сего исследования, восхитительной древности Стоунхенга, подчас столь сильная и настойчивая, что находит пристанище в Грудях Вашего Величества, наряду с Вашими Широчайшими Заботами подвигла Меня произвести изучение происхождения и назначения сего Чуда (как зовется он в простонародье), насколько мрачная тьма Забвения позволит сего Гигантского нагромождения, чьи мертвые останки почивают в глубоком Забытьи, почти лишенные жизни Апатичным Временем (кое нередко заставляет Лету течь по земле, а не только под ней)».

Далее он приводит свое мнение: «Сравнив со тщанием Стоунхенг с прочими древностями схожей природы в Дании, я теперь полагаю его возведенным датчанами, когда они наш народ подчинили. По большому счету, если даже и построен он был не как королевский двор или место выборов и коронации, по некоторому странному обычаю, эпоха была именно та».

Усердие доктора Чарльтона было воспето поэтом Роб. Говардом: «Как обязаны мы вашим трудам! Себя вы заняли исканьем и восстановлением истины». Также его теории аплодировал не кто иной, как Джон Драйден:

...смогли вы дать
Подсказку Людям в том, кто Камни те сумел поднять.
И вам благодаря датчане
(хоть быстро власти здесь лишились)
Гораздо дольше саксов в землях сих продлились.
Стоунхенг, который все считали Храмом, вы назвали
Троном, где наши Короли, посланцы Бога,
свои короны принимали⁴.

Но утверждение Чарльтона о том, что датчане являлись «авторами сего громадного строения, что столь восхищает и занимает всякого увидевшего его», просуществовало недолго. Вебб немедленно повторил теорию своего тестя Иниго о римлянах, и снова разразился вежливым, но горячий спор.

Странное издание под названием «Стрела дурака, пущенная в Стоунхендж», приписываемое Джону Гиббонсу, достигшему пика своей известности в 1670-х гг., повествовало о том, что комплекс являлся «старинным британским триумфальным тропическим храмом, возведенным в честь Анарайт, их богини победы, на поле кровавой битвы, в которой прославленный Станендж и его кернгические великаны одержали победу над королем Дивитиаком и его белгами».

Два великих летописца, Джон Эвлин и Самюэль Пипс, посещали это место и оставили вполне типичные отчеты. Эвлин, которого интересовали естествознание и архитектура, написал 22 июля 1654 г.: «После обеда прошли мы по прекрасной равнине, а точнее сказать, по травяному ковру, прибыли к Стоунхенджу, воистину величественному монументу, возникшему вдали подобно замку». Он полагал, что «столь многие и огромные глыбы камня» были, вероятно, частью «языческого природного храма». Далее Эвлин пишет, что «камни невероятно тверды, так что я со всею силою моею не сумел молотком отколоть и куска, а твердость эту приписываю я тому, что долгие века стоят они под открытым небом». Пипс, которого больше занимали люди и события, написал 11 июня 1668 года: «Придите туда, и найдите их, еще более поражающих, чем в сказаниях, которые мне доводилось слышать. Одному Богу известно, в чем было их назначение!»

Тем не менее тогда же было проведено, по всей видимости, первое тщательное исследование на месте древнего монумента за всю его историю. Джона Обри теперь помнят в основном (если вообще помнят) из-за его сборника разрозненных биографий, названного «Краткие жизнеописания», но он заслуживает более громкой славы. Обри стал первым археологом, или протоархеологом, Англии. Кэмден и другие писали о раскопках древностей, но получали эту информацию из записей и зачастую ограничивались заимствованными описаниями. Даже Иниго Джонс рассматривал Стоунхендж скорее как архитектор, чем как исследователь истории. Обри же отправился на это место, рассмотрел его и произвел замеры.

Обри родился недалеко от Стоунхенджа, в деревушке Истон-Пирс, что в 30 милях к северу от монумента, в 1625-м или 1626 г. Мальчик рос, по его собственному выражению, в «отшельническом уединении», которое было ему совсем не по душе. «Это стало большой помехой для меня в детстве, – писал он, – но, возможно, именно уединение сыграло важную роль в формировании «сильного и раннего интереса к древности. С самого моего детства я

⁴ Перевод О. Дмитриевой.

имел от природы склонность полюбить Древность, а Судьбе моей угодно было забросить меня в мою страну, самую удобную для подобных изысканий». И что очень важно, «равнина Солсбери и Стоунхендж были знакомы мне с восьми лет».

Среди свойств характера Обри не числилась скрупулезность. Он начал множество масштабных проектов, но ни одного не довел до конца – «Краткие жизнеописания» (включая знаменитую справку о Шекспире: «Отец его был мясником, и, как мне рассказывали, будучи мальчиком и забив теленка, он всякий раз произносил высокопарную речь») на момент его смерти представляли собой кучу несвязанных записок. Обри признавался, что «желает найти терпения на тяжкие занятия», а Энтони Вуд, мрачный автор «Оксфордских Афин», называл его «бесцельным и рассеянным». Тем не менее Обри стал в свое время заметной фигурой. Он был членом Королевского научного общества, другом короля и других высокопоставленных особ, и на его взгляды оказывалось значительное влияние. Но его археологические исследования базировались на аккуратных наблюдениях. Не имея никаких доказательств для аргументации, кроме самих камней, он отважно вступал в споры о происхождении Стоунхенджа. В 1663 г. Обри сделал для Карла II «Обзор» монумента, набросав его с похвальной тщательностью (и в своей обычной беспорядочной манере – на полях появляются сразу и изображение камней, и тщательно прорисованный «таран»).

Он писал: «Существуют несколько книг о Стоунхенге, написанных людьми учеными, немало отличных друг от друга, в каких-то утверждается одно, в прочих – другое. Ныне я замкнул их всех сравнительными доводами, чтобы дать ясные доказательства того, что сей монумент (он также осмотрел другие монументы, о чем речь пойдет ниже) являл собой языческие капища. О сем ранее не говорилось. А также я, покорно подчинившись суждениям более надежным, допустил, что он мог быть храмом друидов...

Предположение мое таково: друиды были самыми выдающимися жрецами, или Орденом жрецов, среди британцев. И как ни странно, но сии древние монументы служили храмами жрецам самого выдающегося Ордена, то есть друидам, и являются их ровесниками. Сие исследование, признаться, есть хождение на ощупь впотьмах. Но хотя и не сподобился я пролить на него свет, могу утверждать, что вынес его из кромешного мрака в зыбкий сумрак, и далее пошел в сем рассказе, чем предшественники мои».

Обри был прав в том, что Стоунхендж появился раньше прихода римлян и саксов, и, возможно, прав в том, что он служил храмом друидам, но скорее всего ошибался в своей уверенности, что его построили друиды. Джон Обри проделал большую полезную работу в Стоунхендже, но его попытка связать монумент с друидами оказалась медвежьей услугой.

Друиды там точно были. И они действительно прибыли в Британию. Но появились ли они там до возникновения Стоунхенджа? Или пусть даже когда его только построили? Стали ли они его верховными жрецами? Доподлинно нам это неизвестно, но современные данные достаточно жестко опровергают такое предположение.

Однако остается мощный и неугасающий интерес к этим удивительным, чрезмерно романтизируемым существам и такое количество различных толкований их связи со Стоунхенджем, что мне представляется необходимым рассказать здесь, что мы на самом деле знаем о друидах, чтобы не оставлять белых пятен.

Друиды у кельтов были священниками, медиками, учителями и судьями. Античная литература изобилует упоминаниями о них. Больше всего информации мы находим в произведении Цезаря «Галльские войны».

«По всей Галлии есть два класса людей определенного значения и положения. А с простым народом обращаются почти как с рабами. Первый состоит из друидов, второй из рыцарей. Друиды заняты поклонением божествам, следят за правильным приношением жертв, прилюдно и без свидетелей, толкуют ритуальные вопросы: множество молодых людей собираются вокруг них, чтобы получить наставление, и относятся к ним с большим почтением. Именно они

принимают решения почти во всех разногласиях, а если совершается преступление или убийство, или случается спор о престолонаследии или границах, решение тоже принимают они. Среди всех друидов есть самый главный. Считается, что их уклад жизни возник в Британии и впоследствии был перемещен в Галлию.

Говорят, что в школах друидов учат наизусть великое множество стихов, посему немало людей остаются в учении по двадцать лет. Они используют греческое письмо. Основная доктрина, которую они проповедают, в том, что души не умирают, а после смерти переходят от одного к другому. Помимо этого, они также обсуждают различные вопросы, например звезды и их ход, размеры Вселенной и Земли. Все галлы весьма преданы соблюдению ритуалов, по этой причине те, кто поражен тяжелыми недугами или подвергается опасности в бою, либо приносят человеческие жертвы, либо клянутся это сделать, а друиды выступают руководителями таких церемоний. Одни верят, в сущности, что ублажить великих бессмертных богов можно, только если платить человеческой жизнью за человеческую жизнь, другие используют фигуры невероятной величины, в плетенные из веток ноги которых помещают живых людей, а затем поджигают, а люди гибнут в языках пламени. Они верят, что наказание тех, кого застали за кражей, или грабежом, или иным преступлением, приносит больше радости бессмертным богам. Но когда таких преступников становится недостаточно, они переходят к наказанию безвинных.

Галлы убеждены, что происходят от общего отца, Диса⁵, и говорят, что такова традиция друидов. По этой причине они считают промежутки времени не количеством дней, а ночей. По их определению дней рождения, начала месяцев и новых годов, день следует за ночью».

Плиний описывает друидов гораздо романтичнее. Он открыто признается, что презирует «искусство магии», как он его называет, но уважает его возможную силу. Плиний считает своим долгом изложить его историю и историю тех, кто им занимается. Следующая цитата взята из голландского перевода Плиния 1601 г., поскольку архаичный язык лучше всего выражает нужную мысль. Вероятно, из этого же издания Шекспир почерпнул материал для некоторых чудес, о которых Отелло говорит Дездемоне: «Все виды магии – отвратительные действия – могут быть использованы в разнообразных видах, ибо работает она посредством Воды, Шаров, Воздуха, Звезд, Огня, Верстаков и Топоров. Глупость и тщета Искусства Магии перемешивается с медицинскими приемами и религиозными церемониалами, мастерством астрологии и искусством математики, в царстве Персидском нашло оно первое пристанище, где было придумано и развито Зороастером за 5000 лет до Троянской войны». (На самом деле Зороастер, или Заратустра, жил в Персии около 600 г. до н. э.)

Плиний говорил, что Орфей, Пифагор, Эмпедокл и Платон «настолько влюблены были» в искусство магии, что «предприняли множество поездок» ради него, а «сие искусство за границы распространили и много превозносили». По его словам, Моисей также был магом. Позднее это искусство попало во «Фронцию», где «продолжилось до наших дней. Ибо еще со времен цезаря Тиберия их друиды (жрецы и мудрецы Франции) его властью подавлены были, вкуче со всем множеством лекарей, предсказателей и волшебников. Но что сказать могу я о сем предмете еще, когда искусство перенеслось чрез широкий океан и дошло во все известные земли, даже на самый край земли, за которым уж ничего найти нельзя, помимо воздуха и воды, а в Британии в наши дни воистину высоко чтят его, и люди преданы ему всею душою.

Друиды почитают самым священным в мире омелу и дерево, на котором растет она, то есть дуб. Возможно, названы они вследствие этого друидами в Греции, что означает «жрецы дуба» (по-древнегречески «дуб» – «друс», поэтому этимология Плиния может оказаться верной). Омелу собирают они в благоговении и со многими церемониями (когда) месяц на небе

⁵ Дис был богом темного подземного мира. В английском языке сохранилось слово «fortnight», означающее «две недели» и имеющее в корне слово «night» – ночь, сохранившееся с той поры, когда время считали не днями, а ночами.

шести дней от роду (ибо с сего дня отсчитывают они месяцы, новые годы и века, которые сменяются каждые тридцать лет), поскольку в сей момент она обладает силой великой и могуществом достаточным. На своем языке зовут они ее Ол-хил⁶ (ибо считают, что излечивает она все недуги), и, когда уже готовы собирать ее, хорошо и правильно подготовив загодя жертвы и торжественную трапезу под названным древом, приносят они туда двух молодых волов молочно-белых, приходит жрец в белых одеждах, забирается на древо и золотым крюком или рогом срезает ее, а снизу другие ее ловят. После чего убивают животных, произнося многие слова и истово молясь. Убеждены они, что, если живое существо пожует добытую таким образом омелу, оно тотчас станет плодоносным, вот как пусты и суеверны многие народы в мире».

⁶ All-Heale – то есть все излечивающая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.